

Пролог

Год 1815-й, за десять лет до того, как наша история принимает серьезный оборот...

В отношениях с отцом Гарет Сент-Клер придерживался четырех основных принципов, позволявших ему сохранять хорошее настроение и душевное спокойствие.

Первый: не заводить никаких разговоров с отцом, если в этом нет крайней необходимости.

Второй: если разговор неизбежен — быть предельно кратким.

Третий: в случаях, когда не требовалось ничего более существенного, чем простое приветствие, при этом всегда должен был присутствовать кто-то третий.

И наконец, четвертый: друзей должно быть как можно больше, чтобы было кому пригласить его к себе на школьные каникулы.

Он стремился как можно больше времени проводить вне дома, подальше от отца. Гарет отработал свою систему до совершенства и был неприятно удивлен и раздосадован, когда ему в категоричной форме приказали вернуться из школы домой, в Клер-Холл.

Курс обучения в Итоне заканчивался через два месяца, и жизнь в колледже была в полном разгаре: занятия перемежались спортивными играми и тайными посещениями — естественно, поздно ночью — местной пивной с обильными возлияниями в обществе женщин.

О таком времяпрепровождении мечтает любой молодой человек восемнадцати лет от роду. И он был уверен, что если ему удастся держаться подальше от отца, то и в девятнадцать лет его жизнь будет такой же безоблачной. Осенью он должен был, как и все его закадычные друзья, поступить в Кембридж, а там он намеревался продлить блаженные дни, не забывая, впрочем, и об учебе.

Гарет оглядел холл родного дома и стал нервно насвистывать. Что, черт возьми, понадобилось от него барону (так он привык называть про себя отца)? Ричард Сент-Клер уже давно заявил, что не желает иметь ничего общего со своим младшим сыном, а за его обучение платит лишь потому, что так положено. Что на самом деле означало, и это знали все: если отец не пошлет Гарета учиться в привилегированную школу, его осудят и друзья, и соседи.

Изредка пути Гарета и его отца все же пересекались, и тогда барон пускался в длительные рассуждения о том, каким разочарованием стало для него рождение второго сына. А это, в свою очередь, вело к тому, что у Гарета появлялось желание еще больше разочаровать отца, чтобы оправдать ожидания, так сказать!

Чувствуя себя в родном доме чужим, Гарет нетерпеливо постукивал ногой, ожидая, пока дворецкий доложит отцу о его приезде. За прошедшие девять лет он провел так мало времени в этом доме,

что ему было трудно считать его своим. Слава богу, это нагромождение камней, принадлежащее его отцу, со временем перейдет к его старшему брату Джорджу. Ни дом, ни часть состояния Сент-Клеров не достанутся Гарету, так что он понимал, что ему придется самому пробивать себе дорогу в жизни. Он предполагал после окончания Кембриджа поступить на военную службу, ибо не готов был принять духовный сан.

Гарет плохо помнил свою мать: она погибла в результате несчастного случая, когда ему было пять лет, но помнил, как она ерошила ему волосы и смеялась над его серьезностью. «Мой маленький чертенок, — ворковала она, а потом добавляла шепотом: — Всегда оставайся таким».

И он прилежно следовал ее совету, а потому сомневался, что англиканская церковь захочет принять его в свое лоно.

— Мастер Гарет. — Услышав голос дворецкого, Гарет поднял голову. Гилфойл, как обычно, говорил отрывистыми фразами. — Ваш отец примет вас. Он в своем кабинете.

Гарет кивнул и направился в любимую комнату отца. Здесь барон читал свои нравоучения, здесь пророчил, что сын никогда ничего не добьется в жизни, здесь вслух размышлял о том, что ему не следовало иметь второго сына, что на Гарета зря тратится семейный бюджет и что он порочит честь семьи.

Да, подумал Гарет, постучавшись в дверь, счастливых воспоминаний об этом месте у него нет.

— Войди!

Гарет толкнул тяжелую дубовую дверь и вошел. Отец сидел за письменным столом и что-то писал.

Гарет отметил про себя, что барон выглядит неплохо. Впрочем, лорд Сент-Клер всегда был здоровым и сильным и выглядел на двадцать лет моложе своих пятидесяти лет.

Гарет терпеливо ждал, пока отец поднимет голову, но тот словно его не замечал, и тогда пришлось кашлянуть. Никакой реакции не последовало. Гарет опять кашлянул. Отец упорно занимался своими делами. Гарет стиснул зубы. Это было обычным поведением отца — игнорировать сына, давая тем самым ему понять, что считает его ничтожеством, недостойным внимания барона Сент-Клера.

Гарет перебрал в уме несколько вариантов своего поведения, а потом небрежно прислонился к косяку и принялся насвистывать.

Барон тут же вскинул голову и резко приказал:

— Прекрати!

Гарет поднял бровь и перестал свистеть.

— И встань прямо. Господи, сколько раз я тебе говорил, что свистеть неприлично?

Гарет немного помолчал и спросил:

— Я должен что-то на это ответить, или это был риторический вопрос?

Лицо отца стало пунцовым.

Гарет знал, что его намеренно насмешливый тон разозлит барона, но иногда было чертовски трудно держать язык за зубами. Он потратил годы на то, чтобы завоевать любовь отца, а теперь, отчаявшись, махнул на все рукой.

И если ему удастся сделать отца таким же несчастным, каким старик делал его, — так тому и быть. Гарет даже чувствовал некое удовлетворение. Должен же человек получать удовольствие там, где это возможно!

— Я удивлен, что ты приехал.

Гарет озадаченно нахмурился:

— Ты же просил меня приехать.

Он никогда не осмеливался открыто выказывать неповиновение отцу. В мечтах Гарет всегда давал ему отпор, говорил все, что о нем думает, но в реальности его наглость, как правило, ограничивалась насмешливым свистом или угрюмыми взглядами.

— Да, просил. — Отец слегка откинулся на спинку стула. — Тем не менее, если я чего-либо прошу, то никогда не жду, что ты правильно истолкуешь мое желание.

Гарет промолчал.

Отец встал и подошел к столу, где стоял графин с бренди.

— Ты, вероятно, удивлен, зачем я тебя позвал.

Гарет молча кивнул, но так как отец не удосужился взглянуть на него, добавил:

— Да, сэр.

Барон сделал порядочный глоток бренди и заставил сына ждать, пока он явно наслаждался отличным напитком. Потом он обернулся и, окинув сына холодным оценивающим взглядом, сказал:

— Я, наконец, решил, как ты можешь принести пользу семье Сент-Клер.

Голова Гарета дернулась от удивления.

— Вот как, сэр?

Барон сделал еще один глоток и, выдержав паузу, произнес:

— Ты женишься.

— Сэр? — Гарет чуть было не поперхнулся.

— Этим летом, — подтвердил лорд Сент-Клер.

Гарет схватился за спинку стула, чтобы не упасть. Господи, да ему же всего восемнадцать! Он слишком молод, чтобы жениться. А как же Кембридж? Разве сможет он там учиться, будучи женатым? И где прикажете ему жить с женой?

А... Боже милостивый, на ком он должен жениться?

— Это отличная партия, — продолжил барон, не обращая внимания на реакцию Гарета. — А приданое, несомненно, улучшит наше финансовое положение.

— Наше финансовое положение, сэр, — тупо повторил Гарет.

Лорд Сент-Клер оценивающе посмотрел на сына.

— Наше имущество заложено и перезаложено; еще год, и мы вообще все потеряем.

— Но... как?

— Итон — дорогое заведение, — отрезал барон.

«Вряд ли Итон мог довести семью до банкротства, — в отчаянии подумал Гарет. — Неужели только я в этом виноват?»

— Ты, конечно, меня разочаровал, — сказал барон, — но я выполнил свои обязательства. Ты получил образование, приличествующее джентльмену. У тебя была лошадь, одежда и крыша над головой. Настало время поступить как подобает мужчине.

— Кто?

— А?

— Кто? — чуть громче произнес Гарет. — На ком я должен жениться?

— На Мэри Уинтроп, — безапелляционно заявил барон.

Гарет похолодел.

— Мэри...

— Дочь Роутена.

Будто Гарет этого не знал!

— Она будет отличной женой, — продолжил барон. — Послушной. А ты, если захочешь развлекаться в городе со своими друзьями, можешь запереть ее в деревне.

— Но, отец, Мэри...

— Я сделал предложение от твоего имени, брачный контракт уже подписан. Дело решенное.

Гарету стало трудно дышать. Нельзя насильно заставить человека жениться.

— Роутен хочет, чтобы свадьба была в июле. Я сказал ему, что мы не возражаем.

— Но Мэри... Я не могу жениться на ней.

Брови барона поползли вверх.

— Ты можешь, и женишься.

— Но, отец, она... она...

— Простушка? — ухмыльнулся барон. — А какая разница, кто окажется под тобой в постели? А больше у тебя не будет с ней никаких дел. — Он подошел к сыну почти вплотную. — Все, что от тебя требуется, — это появиться в церкви. Ты меня понял?

Гарет промолчал.

Он знал Мэри Уинтроп всю свою жизнь. Она была старше его на год, а их поместья соседствовали уже более века. Детьми они дружили, но очень скоро выяснилось, что у Мэри не все в порядке с головой. Он оставался ее защитником, когда бывал дома, и не раз бился в кровь с теми, кто обзывал ее или пытался воспользоваться ее добротой.

Но жениться на ней! Она была как малое дитя. Жениться на ней грешно. Но даже если это и не так, он никогда бы этого не вынес. Она вряд ли была

способна понять, что именно должно происходить между ними, если они станут мужем и женой. Он никогда не сможет лечь с ней в постель. Никогда.

Гарет смотрел на отца, не в силах вымолвить хотя бы слово. В первый раз в жизни у него не было ни готового ответа, ни единого дерзкого замечания. Какие слова подходят для такого случая?

— Я вижу, мы понимаем друг друга, — улыбнулся барон.

— Нет! — вырвалось у Гарета. — Нет! Я не могу!

Барон прищурился.

— Ты будешь там, даже если мне придется тебя связать.

— Нет! — Гарету показалось, что у него в горле застрял комок. — Отец, Мэри... она же ребенок. Она никогда не станет взрослой. И ты об этом прекрасно знаешь. Я не могу на ней жениться — это большой грех!

Барон тихо засмеялся:

— Пытаешься убедить меня, что ты, именно ты, неожиданно обрел веру?

— Нет, но...

— Никаких обсуждений, ты меня понял? Роутен выделяет дочери щедрое приданое. А что ему еще остается делать, чтобы сбыть с рук идиотку?

— Не говорите так о ней, — прошептал Гарет. Возможно, он и не хотел жениться на Мэри, но он знал ее всю жизнь, и она не заслуживала того, чтобы ее обзывали идиоткой.

— Это будет самый благородный поступок в твоей жизни. Роутен дает за дочь такую сумму денег, что я смогу выделить тебе содержание, на которое ты сможешь жить как тебе захочется.

— Содержание, — глухо откликнулся Гарет.

— Не думаешь же ты, что я доверю тебе все деньги.

— А как же учеба в колледже? — осмелился поинтересоваться Гарет.

— Можешь посещать занятия. Благодарю за это свою невесту. Она на это согласилась, как только был подписан брачный контракт.

Гарет стоял, пытаясь привести в порядок дыхание и мысли. Отец знал, как много значил для него Кембридж. Это был единственный пункт, в котором их мнения совпадали: джентльмен должен получить образование, достойное джентльмена. Не важно, что Гарету действительно нравилось учиться, а для лорда Сент-Клера Кембридж был всего лишь данью светскому обществу: уже давно было решено, что Гарет должен учиться именно там и получить ученую степень.

А теперь оказалось, что лорд Сент-Клер понял, что не сможет платить за обучение младшего сына! И когда же он собирался сообщить ему об этом? Когда он начнет паковать вещи, собираясь в Кембридж?

— Все обговорено, Гарет. И жениться должен ты. Джордж — наследник, и я не могу допустить, чтобы на нашей родословной было пятно. Кроме того, — барон поджал губы, — я бы не стал подвергать твоего брата такому...

— А меня, значит, можете? — Неужели отец так его ненавидит? И совсем о нем не думает? Гарет ни разу не слышал от барона ободряющего слова. — Почему? — Гарет не узнал своего голоса: это был жалобный стон раненого зверя. — Почему?

Отец молча стоял и так крепко держался за край стола, что у него побелели костяшки пальцев. А Гарет почему-то не мог оторвать взгляда от рук отца!

— Я ваш сын, — прошептал он, все еще глядя на руки отца и страшась посмотреть ему в лицо. — Ваш сын. Как вы могли так поступить с собственным сыном?

И тут отец, который всегда славился своими резкими ответами, гнев которого всегда был холодным, как лед, а не обжигающим, как пламя, взорвался. Он оторвал руки от стола, и комната огласилась громopodobным ревом:

— Господи, неужели ты до сих пор ничего не понял? Ты не мой сын! Ты никогда им не был! Ты внебрачный ребенок, паршивый щенок, которого с кем-то прижила твоя мать, когда я уезжал.

Долго сдерживаемая и подавляемая злость ураганом вырвалась из груди Гарета и сжала так, что он не мог дышать.

— Нет! — Он в отчаянии замотал головой. Этого не могло быть! Он был копией отца: тот же нос, те же...

— Я кормил тебя, одевал и представлял миру как своего сына. Я содержал тебя, тогда как другой на моем месте вышвырнул бы на улицу. А теперь настало время вернуть должок!

— Нет, этого не может быть. Я так похож на тебя. Я...

С минуту лорд Сент-Клер молчал, а потом заметил:

— Злополучное совпадение, уверяю тебя.

— Но...

— Я мог бы отказаться от тебя, когда ты родился. Мог бы выгнать вас с матерью на улицу, но я этого не сделал. — Он обошел стол и приблизился к Гарету. — Я тебя признал, и ты мой сын по закону, и мой должник, — тихо, с горечью добавил он.

— Нет. — Голос Гарета наконец обрел ту убежденность, которая ему потребуется, чтобы жить дальше. — Я этого не сделаю.

— Я откажусь от тебя, — предупредил барон. — Я не дам тебе ни единого пенни. И можешь забыть свои мечты о Кембридже...

— Нет, — повторил Гарет, но его голос прозвучал иначе. Он понял, что это конец, конец всему: детству, наивности... — и начало...

Одному богу известно, началом чего это было!

— Я от тебя отказываюсь, — прошипел отец... нет, не отец. — Между нами все кончено.

— Да будет так, — ответил Гарет.

И ушел.

Глава 1

Прошло десять лет. И вот мы встречаемся с нашей героиней, которую, надо сказать, никто не назовет скромным и застенчивым цветочком. Действие происходит на ежегодном музыкальном вечере у Смайт-Смитов примерно за десять минут до того, как господин Моцарт начал ворочаться в своей могиле.

— Зачем мы это делаем? — громко спросила Гиацинта Бриджертон.

— Затем, что мы хорошие добрые люди, — ответила ее невестка, расположившаяся — да поможет им Бог — в первом ряду.

— Неужели результаты прошлых лет тебя ничему не научили... — сказала Гиацинта, глядя на пустое кресло рядом с Пенелопой.

— Гиацинта?

Гиацинта нетерпеливо обернулась к Пенелопе.

— Сиди спокойно.

Гиацинта тяжело вздохнула, но перестала вертеться.

Музыкальный вечер. К счастью, его устраивали один раз в году, потому что мисс Бриджертон не сомневалась, что ее ушам понадобится не меньше года, чтобы прийти в нормальное состояние.

Она снова вздохнула, на этот раз намного громче.
— Не уверена, что я такая уж хорошая и добрая.
— Я тоже в этом не уверена, — отозвалась Пенелопа, — но тем не менее решила в тебя поверить.
— Рискованный шаг.
— Я тоже так думаю.
Гиацинта глянула на нее искоса.
— Впрочем, у тебя не было выбора.
Пенелопа повернулась к ней.
— Что ты имеешь в виду?
— Колин ведь отказался тебя сопровождать, не так ли? — Колин, брат Гиацинты, уже год был женат на Пенелопе.
Пенелопа обиженно поджала губы.
— Мне нравится, когда я права. — Гиацинта торжествующе посмотрела на бедную Пенелопу.
— Ты просто невыносима.
— Знаю. — Гиацинта наклонилась к Пенелопе. — Но ты меня все равно любишь, признайся.
— Я ни в чем не признаюсь до конца вечера.
— После того, как мы все оглохнем?
— После того, как мы увидим, что ты вела себя прилично.
— Ты теперь принадлежишь к нашей семье, и тебе придется полюбить меня. Обязана — по брачному контракту.
— Забавно, но я не припомню такого пункта.
— И впрямь забавно, а я вот точно помню.
Пенелопа рассмеялась:
— Не знаю, как тебе это удастся, Гиацинта, но при всей своей несносности ты всегда очаровательна.
— У меня особый дар.
— Что ж, за то, что ты пришла сюда со мной сегодня вечером, тебе полагается поощрение.